

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovniko1ai.ru/> Приятного чтения!

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов

– – Что это за такое бессловесное животное?

– – То, которое словесности не обучалось.

Хотя я иностранным языкам еще не

обучался, но все-таки до личности

своей коснуться не позволю.

Некие

Это было в 182* году...

Плотно завернувшись в шинель, дрожащий от холода, я лежал на ковре, разостланном посредине моей квартиры, и размышлял о средствах достать чернил. Мне нужно было непременно написать одну статейку, на которой основывались все надежды моего бедного желудка, в продолжение трех дней голодного. Год был урожайный; за статьи платили мало или ничего вовсе, а есть любил я много; ни родового, ни благоприобретенного я не имел, следовательно, нечему удивиться, что мебель моя состояла из одного трехногого стула, а вся квартира простиралась не более как на шесть квадратных шагов, половина которых была отгорожена ширмой, за которую жительствовавший мой слуга. Я находился в тесных обстоятельствах, во всевозможных смыслах этого выражения; денег у меня не было ни гроша; вещей удобопродаваемых тоже... Как тут быть?

– – Милостивый государь! -- закричал я громко, как бы опасаясь быть неслышанным.

– – Сию секунду, -- отвечал из-за ширмы голос моего человека, которого я имел обыкновение называть милостивым государем.

– – Как бы нам достать чернил? Ведь этак мы, пожалуй, умрем с голоду...

– – Да, сударь.

– – Вот если бы были чернила, я бы написал что-нибудь и достал бы денег. Нельзя ли взять у хозяина; вбеги впопыхах с чернильницей: очень, мол, нужно поскорей; куплю, так отдам.

– – Да я уж так несколько раз делал; пожалуй, догадается.

– – Ты прав. Не сделать бы хуже; он уж и то поговаривал, что нашу квартиру у него нанимают. Сходи лучше к лавочнику: мелких, мол, не случилось, хоть на грошик пожалуйста; да говори с ним поласковой.

– – Куда! Этот жид и то не дает мне покоя. Всё долгу просит. "В полицию, -- говорит, -- явку подам, надзирателю пожалуюсь... Этак честные люди не делают... Вишь, твой барин подъехал с лясами: поверь да поверь земляку -- вот я и влопался". И ну костить, да так, что инда злость берет; при всей компании по имени вас называет...

– – Ах он мошенник!.. Да ты бы его хорошенько...

– – Нету, сударь, уж как хотите сами, а я не берусь. Пожалуй, и в самом деле...

– – Точно, точно... Лучше к нему и не ходи... Тьфу! черт возьми! да нет ли у нас гроша-то где, что и в самом деле!.. -- При этих словах я обшарил все свои карманы -- и засвистал протяжно: -- Пусто!

– – Пусто! -- повторил мой милостивый государь еще плачевнее, выворачивая свои карманы.

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

Слезы навернулись у меня на глазах; злость закипела в душе...

– – Вот до чего мы дожили... Сидим по два дни без хлеба, без дров, без чернил,-- прибавил я страдальческим голосом.-- Живем в гадкой каморке.

– – Ничего, сударь.

– – Как ничего! Глупец! Этак, если б меня посадили на кол, ты бы тоже сказал: ничего!

– – Не место человека красит, а человек место,-- говорит пословица. А пословицы, сударь, вещь прекрасная, сколько я мог заметить; что вы, сударь, об них ничего не напишете?

Я готов был заплакать и, по обыкновению, пуститься в проклятия стихами и прозой; но философия моего милостивого государя меня обезоружила. Этот человек, который сносил равную моей участь гораздо терпеливее меня, не раз отстранял совершенное мое отчаяние. Несмотря на простоту его, я замечал в нем гораздо больше твердости характера и потому невольно уважал его, иногда даже прибежал к его советам.

– – За что же мы теперь примемся, милостивый государь? -- спросил я.

– – Да что, сударь, бросили бы свое писанье, коли не везет; испробовать бы другой карьеры...

– – Ты опять за свое. Этого не будет, я уж сказал. Вот ты бы лучше подумал, как достать чернил.

– – Терпит ли время до завтра? -- спросил милостивый государь скороговоркою, с каким-то нечаянным самодовольствием...

– – А кто поручится, что до завтра я не умру с голоду? Да и статью надо бы скорее.

– – Батюшка-барин,-- сказал милостивый государь дрожащим голосом,-- потерпите до вечера... не сердитесь, что я вам скажу... У меня вон есть кусочки ситника, что намедни карандаш вытирали: вы съешьте их; оно всё на животе-то поздоровее... а я покуда добуду денег...

– – Что ты, Иван? -- закричал я, забыв обыкновенный тон шутки.-- Где ты достанешь денег так скоро?..

– – Да вот в соседние дома поношу водицы, так и заработаю что-нибудь.

– – Добрый Иван! -- сказал я и почти готов был обнять его.

– – Оно, вот видите, барин, кабы вы так не транжирничали, и было бы хорошо; ведь еще третьеводни были у вас деньги: вы враз упекли! Хоть бы вы послушались моей просьбы да отпустили меня, так я бы нашел местечко, а деньги-то бы приносил вам... всё бы сподручнее...

– – Опять за свое. Пожалуйста, не говори мне никогда об этом,-- сказал я с чувством обиженной гордости и сел на стул... Изломанная ножка, кой-как подставленная, подломилась, и я упал.

– – Эх, барин! говорил, не садитесь, ножка худа, я-де подставил ее только для приличия, кто взойдет, чтоб не переконфузиться: надо же ведь и тону задать!.. Виноват, батюшка... не ушиблись ли вы? -- говорил милостивый государь.

Но мне было не до него. Сердце мое сильно забилось радостью; в этом падении я увидел начало своего возвышения. Да! я увидел сапоги милостивого государя; кажется, тут и нет ничего необыкновенного... Точно, точно, милостивые государи, для вас так, но для меня... увидел сапоги моего Ивана -- и нашел, что бы вы думали?.. философский камень?.. Ничуть не бывало... меня только поразила светлая, гениальная идея: видно, что в этот день на небе было что-нибудь особенное, или, может, ум мой... но я оставляю исследовать это до другого времени...

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
-- Давай сюда поскорей мои сапоги! -- закричал я милостивому государю и сам схватился за голову, опасаясь, чтоб не исчезла идея; неожиданное счастье иногда заставляет нас прибегать к излишним предосторожностям из опасения потерять его.

-- Идти со двора, что ли, сударь, хотите? Ведь ваши-то сапоги очень худы... наденьте лучше мои...

-- Не то! идея, братец, идея! -- закричал я, держась по-прежнему за голову.

-- Да ведь я вам говорю, что худы, вылетит.

-- Что ты тут толкуешь! С ума, что ли, ты спятил? Давай скорей.

-- Да вы посадить, что ли, в них хотите ее?..

Я вышел из терпения; надобно же случиться такой оказии, что милостивый государь вздумал рассуждать. Чтoб не терять по-пустому времени, я побежал сам за перегородку, отыскал сапоги и с торжествующей физиономией поцеловал один из них. Милостивый государь стоял, вытаращив глаза. Я потер пальцем по мокрому месту сапога... Физиономия моя еще более прояснилась. Иван пожал плечами.

-- Иван, друг мой! -- закричал я.-- Давай скорей воды, тарелку, да нет ли какой тряпочки?.. Мы не умрем с голоду! Тебе не надобно идти носить воду... Что ж ты стоишь!

Иван, поставленный мною в тупическое положение, насилу опомнился и побежал исполнить приказание. Сердце мое шибко билось от полноты сильных сладостных ощущений; может быть, еще первый раз в жизни оно было озадачено таким полным, мощным приливом счастья. Я готов был выбежать на улицу и расцеловать первого встречного, хоть будочника, который диким беспрестанным восклицанием "кто идет?" не дает мне спать. Таких минут немного бывает в жизни!

Милостивый государь наконец достал требуемых мною вещей и явился. Я выхватил у него из рук тарелку и поставил ее на окно; набрал в рот воды, взял тряпку и таким образом остановился у окошка, держа сапог прямо над тарелкою.

-- Осмелюсь вам доложить, не понимаю, что изволите делать: дельное что или просто так, шутственное?

Я взглянул на Ивана: лицо его представляло странную смесь любопытства, недоумения и какого-то глупого испуга. Мне стало смешно, а смех такая вещь, которая производится только рот разиня. Я фыркнул, и брызги воды полетели в лицо Ивана. Он обиделся.

-- Не плакать бы нам, барин; после веселья всегда бывают слезы; пословица...

-- Ты опять с пословицами; довольно и давешней,-- сказал я и снова набрал в рот воды.

Не обращая более внимания на Ивана, я стал выпускать изо рта воду на сапог и тряпочкой смывать с него ваксу. Физиономия моя прояснилась до прозрачности, когда я увидел черные крупные капли, падающие с сапога на тарелку.

-- Вот что! -- произнес милостивый государь и вздохнул свободно.

-- Да, вот что, милостивый государь,

-- Не густы ли? -- спросил Иван. Молча указал я на ковш с водою.

-- То-то, а то у вас всегда так: вдруг густо, а вдруг пусто.

Через минуту чернильница моя была наполнена драгоценным составом; я приставил стул к своему ковру, положил на него бумагу, поджал под себя ноги, и пошла писать.

-- Умудрил же господи раба своего! -- набожно произнес милостивый государь и пошел за ширмы спать, или отдать визит пану Храповицкому, как сам он выражался.

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru Я уписывал уже второй лист, стараясь писать как можно разборчивее, потому что изобретенные мною чернила были не очень благонадежны; из-за ширмы слышалось уже полное, совершенно развившееся храпение милостивого государя, как вдруг в дверь мою послышался тихий стук... Я не мог растолковать себе, кто б это мог ко мне пожаловать; хозяин мой стучит сильно и смело, а больше ко мне ни собаки не ходит. Теряясь в догадках, я разбудил Ивана и велел отпереть ему, для большей важности.

– – Наум Авраамович дома? -- спросил робкий, дрожащий голос.

– – У себя-с, -- отвечал милостивый государь. -- А как об вас доложить?

– – Я приезжий из Чебахсар; они знают моего родителя; я Иван Иванович Грибовников.

Я выскочил за ширмы и увидел молодого человека 45 множеством различных тетрадей под мышкой и с письмом в руке. Я оглядел его с ног до головы; черты лица его были резки и неправильны, в глазах выражалась необычайная робость, происходившая как бы вследствие сознания собственной ничтожности, нижняя губа была чрезвычайно толста, несколько отвисла и потрескалась; нос был довольно большой и несколько вздернутый кверху; волосы его, сухие, немытые, неровно остриженные, не показывали ничего общего ни с одной из европейских причесок; зачесанные ни вверх, ни вниз, они щетиной торчали над головой, в виде тангенса к окружности; руки его были почти грязны и имели на себе несколько бородавок, расположенных почти в том же порядке, как горы на земной поверхности; ноги были кривы и двигались неровно и медленно; когда он говорил, то обыкновенно одну ногу выдвигал вперед, а другой изредка сзади в нее постукивал; кланялся он низко, очень низко, но совершенно не по тем законам, каких держится большая часть поклонников; на нем был долгополый сюртук из синего сукна, двубортный, с тальей на два вершка ниже обыкновенной, с фалдами, усаженными пуговицами, которых пара приходилась почти против пяток; желтые нанковые брюки, необыкновенно узкие, довершали безобразие ног; оранжевая с белыми полосками жилетка, загнутая доверху, пестрый ситцевый платок с китайскими мандаринами на узоре, из-за которого едва виднелась черная коленкоровая манишка, порывшаяся от времени и непредвиденных обстоятельств, и смазные немецкие сапоги на ранту -- дополняли его наряд.

– – Пожалуйте, пожалуйста, очень приятно...-- говорил я, вводя его в дверь и путаясь в полах моей шинели.

Грибовников смотрел на меня с каким-то благоговением, а на мою квартиру еще с большим...

– – Что привело вас сюда? -- спросил я после обыкновенных приветствий.

– – Судьба, -- отвечал он трагически.

– – Прошу садиться, -- сказал я и, спохватившись, прибавил: -- кто как любит, а я, знаете, просто, по-турецки, на полу оно как-то удобнее. Вы извините меня, у меня такой уж характер; не люблю этой мишурной пышности.

– – Всеконечно. Суета мира сего -- ничто пред всеобъемлющей, громадной, бесконечною вечностию.

– – То есть вы хотите сказать: всё вздор против вечности?

– – Действительно, сударь, я вам должен доложить, что я хотел сказать сие самое.

– – Надолго в Петербурге или опять на родину? Вы, верно, там служите?

– – Да, я хотел было поступить в земский суд, да наш уездный учитель, умнейший человек на свете, посоветовал мне поступить лучше в пииты; оно, говорит, и доходно и почетно... Я же уж давно пописываю... право, вот вам, прочтите... затем я и к вам, Наум Авраамович; как бы это определиться? вот и батюшка-то к вам письмецо пишет, -- сказал он умоляющим голосом и вручил мне письмо.

Всё еще недоумевая, о чем идет дело, я развернул письмо и нашел следующее:

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
"Милостивый государь,

Наум Авраамович!

Примите под свое высокое покровительство сего юного питомца муз, дабы он мог, под вашим крылом, вознестись до превыспренних высей Парнаса и на сладко бряцающей лире восхвалить ваши ему благодеяния; ибо с давних пор, я вам скажу, замечено мною в сыне моем, Иване Иваныче, необычайное стремление к пиитике; долг родителя есть поощрять сие столько же, сколько довлеет изгонять из единокровных чад своих, коих господь бог послал ему яко утешение и подпору на старосте лет, семя греховное, и потому к вам, Наум Авраамович, как гению, прославившему наш град писанием, адресую моего сына; он у меня один, как порох в глазе, и вы за него богу ответите, если допустите погибнуть, аки оглашенному, кой, буде я не ошибаюсь, имеет безошибочные таланты и пишет, аки медом кормит, ибо в чтении оно так же сладило. Писание его вельми различно и обширно. Он также сочиняет для Российского Феатра, что в особности прошу заприметить, ибо и покойный Сумароков писал в различном духе и складе. Жена моя, Анфисочка..."

-- Уф! -- вскричал я, не имея терпения дочитать.-- Прошу покорно, просит моего покровительства! Да я-то что такое? А! видно, что-нибудь... И в самом деле! Ведь пишет же он, что я прославил их город. Вот оно!..-- Эта мысль примирила меня с моим гостем, которого я хотел протурить без церемонии.-- Милостивый государь! сколько могу, буду содействовать вам; но позвольте сперва обратиться к вам с одним вопросом: почему вы непременно хотите быть писателем?

-- Мы все живем на земле, родители и сродственники ваши помещаются также на оной,-- но никто из смертных не проникал в будущую судьбу свою.. Всеобъемлющий гений Шекспира и сугубая злодейственность Малюты Скуратова равно велики и поразительны в своем роде...

-- Но, любезнейший мой Иван Иваныч, из этого еще ничего не следует...

-- Позвольте мне говорить с вами откровенно,-- сказал доверчиво Иван Иваныч.

-- Говорите, говорите,-- сказал я и пожал его руку... Он положил руку на сердце, тяжело вздохнул и сказал:

-- Мы удивляемся Шекспирову гению, но знал ли сей великий мясник...

-- Но вы хотели мне что-то сообщить о себе?

-- Да; я буду с вами откровенен: вы пиит, я тож, вы поймете меня, не так ли?

Я вежливо поклонился. Иван Иваныч продолжал:

-- Что касается до меня, то в душе моей я признал нечто пиитическое еще в младости цветущей... Сие изложено мною в дактилохореическом стихотворении, титулованном мною двояко: "Зарождение плеснети в стоячем болоте", или "Пиит в юности"; прикажете прочесть?

-- После, после,-- сказал я поспешно,-- мы их все рассмотрим. Теперь, что дальше?..

-- Я пиит, решительно пиит! собственное сознание убеждает меня в сем предположении,-- сказал Иван Иванович, положи одну руку на сердце, а другой пожимая мою.-- Постыдно быть врагом самому себе и зарывать в землю свои таланты, кои, будучи очищены, аки злато в горниле, затмят камни самоцветные...

-- Но вы не знакомы с положительной стороной того, за что хотите взяться... Тут много такого...

-- Треволнения вселенной, коловратность мира сего -- ничто! Неужели то, что я пожертвовал местом в земском суде, при коем окромя прочих продуктов квартира, дрова, и свечи, для пиитики, не может служить хоша малым доказательством моей к оной склонности?.. Конечно, от доходов, буде оные случатся, я не отказываюсь, ибо состояние мое того не дозволяет. Но сие не важно суть, ибо всем известно, что Вальтер Скотт миллионы нажил писанием... Предположим, что не столь великое

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
счастье мне поблагодарит, но пиит и половиною сего будет удовольствован...

– – Но кто вам сказал, что это так легко? -- спросил я, поглядывая на свое жилище.

– – Вы, Наум Авраамович! Вы! -- воскликнул он, и лицо его просияло.-- Весть о богатстве вашем достигла до нашего града и, мгновенно разлетясь по стогнам оною, произвела всеобщее глумление. Сие-то и есть главною причиною, что родитель мой не воспрепятствовал моему желанию... Поезжай в Питер! -- молвил сей добродетельный старец.-- Трудись для российского Парнаса, а нам высылай наличными; пииту там хорошо... Наш друг Наум Авраамович...

– – Да, конечно, я не могу жаловаться на судьбу свою: денег у меня довольно,-- сказал я, вспомнив, что писал еще недавно к одному из земляков, что наживаюсь от литературы, имею своих лошадей, огромное знакомство и таковую же славу. Чего я не писал тогда? Впрочем, меня извиняют обстоятельства: там жила -- царица души моей!.. Я не желал, чтоб Иван Иванович обличил меня во лжи перед целым городом, и решился во что бы ни стало опровергнуть невыгодное мнение о моем кошельке, которое, вероятно, внушил ему вид моей квартиры.

– – Вам странным должен показаться образ моей жизни; в этом признались уже все мои приятели, но нарочно для этого-то и живу я так. Что ж? я мог бы иметь хорошую квартиру, мебель, прислугу, пару лошадей, дюжину поваров, кучера, дворецкого; но, знаете, всё это так обыкновенно... Нынче этим не удивишь. Да и для меня это полезнее; при виде окружающей меня бедности я прилежней работаю, как будто у меня и не лежит ничего в ломбарде... А чуть вспомню -- вот и беда: мы, писатели, люди такие неумеренные.

– – Заблуждаться свойственно человеку,-- не извиняйтесь, Наум Авраамович... Я сам не прочь от сего... эт-то, в страстную пятницу, перед отъездом сюда... мерзко вспомнить... Благороднейшие пииты нашего града уподобились скоту бессловесному... у всех на другой день фонари под глазами были.

– – Но вы не так меня поняли.

– – Всё равно,-- произнес он с жаром,-- мы пойдем друг друга... Скажите мне, что я могу на первый раз получить в год от пиитики?

– – Вот видите, времена нынче странные: люди предпочитают поэзии прозу.

– – О, грубые души, во тьме бродящие, бедных разящие, ложно мудрящие, низко творящие, вечно кутящие, пьющие, спящие, света не зрящие...-- и пошел, и пошел... да так, что, я вам скажу, наговорил он их штук сорок... Ну, голова}

Я взглянул на него; лицо его было бледно и сияло каким-то неземным вдохновением; глаза страшно блистали, весь он слегка дрожал.

– – Что с вами? -- спросил я в испуге.

– – Недуг пожирающий, тьму разверзающий, музу питающий, в радость ввергающий, плоть убивающий, дух возвышающий...-- и опять пошел...

Страшно было смотреть на него; глаза его бегали, как у белки; нижняя губа как-то судорожно качалась; он уж едва держался на ногах.

– – Сядьте! -- сказал я и подвинул к нему стул, опять забывши о его недостатке.

Поэт не успел сесть, как уже был на полу...

– – Землю пленяющий, небо вмещающий, огонь возжигающий...-- шептал он, подымаясь с полу.

– – Извините! -- сказал я и поспешил подать ему помощь, но вдруг отскочил в ужасе...

– – Черт вас возьми с вашим вдохновением! Вы пролили у меня чернила и залили мою статью! -- закричал я с негодованием.

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Поэт ничего не слышал. Он продолжал свою импровизацию. Между тем гнев мой
несколько утих, и я очень радовался, что обидное мое восклицание не было им
услышано.

– – Успокойтесь, успокойтесь, любезный Иван Иваныч!

– – Ох! -- сказал он.-- Это вы, Наум Авраамович, а мне показалось, что сам бог
пиитики, Аполлон, предстал пред очи ничтожнейшего из пиитов.

Я вежливо поклонился.

– – Извините, что я вас так много утруждаю присутствием моей малой особы,
которая в присутствии вашем...

– – Ничего. Лучше поговоримте о деле. Вы бедны?

– – Я нищ!

– – Что ж вы намерены предпринять для своего содержания?

– – Наум Авраамович! Вы сами гласите, что уж и в ломбардном заведении ваши
денежки водятся. А чем вы их нажили... мне бы то есть хотелось идти по следам
вашим... Выпустите меня в литературу! Не корысть, не соблазны мира сего... поверьте...
Мне бы так тысячи три-четыре на первый раз...

– – Ого! -- подумал я и поднял свой изувеченный стул.

– – Только бы иметь средство прилично содержать себя и не быть в крайности;
доставьте мне сию возможность.

– – Право, не знаю как; задача трудная. По крайней мере знаете ли вы хоть один
иностранный язык?

– – Как же! еврейский, греческий, латинский, славянский...

– – А немецкий, французский?

– – Нет, Наум Авраамович.

– – Плохо... на перевод, значит, нечего и надеяться. Не пробовали ли вы писать
прозой? На прозу цена выше...

– – "Fiunt oratores, nascuntur poetae", {Ораторами делаются, поэтами рождаются
(лат.)} -- изрек Гораций; следственно, несомненно, что родшийся пиитом легко
может сделаться оратором... Небезызвестно вам, что у нас еще с риторики задают
рассуждения, хрии и прочая; я писал их по приказанию местного начальства, но
душа моя...

– – Оставьте-ка лучше вовсе свое намерение.

– – Ни за что! Я не изменю своему призванию: Аполлон и девять сестер, именуемых
музами, что на греческом наречии значит...

– – Знаю, знаю. А я бы лучше советовал приняться за что-нибудь другое...

– – Нет; лучше соглашусь довольствоваться тысячью рублями годовичного продукта для
поддержания бренной жизни сей, -- произнес он с усилием, как будто бы делая
величайшее пожертвование.

– – Право, лучше поступите в статскую службу.

– – Но небызвестно вам, Наум Авраамович, что на первый раз жалованье слишком
недостаточно. 300 рублей с копейками...

Я внутренне усмехнулся.

– – Но уверяю вас, что и поэзия не больше принесет вам.

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
-- Как! И вы это говорите! Вы, о богатстве которого весть гремит повсюду, которого наш град прозвал своим Крезом,-- Крез, извольте видеть, был богаче всех,-- которому весь наш град завидует...

-- Да с чего вы это взяли, что я богат? я, право...

-- Не скрывайтесь, Наум Авраамович! Вы хотите этим отвлечь меня от поприща, на которое влечет меня сердце, но пусть я буду терпеть глад и хлад, скуку и муку, насмешки человечества, изгнание из отечества и прочие увечества,-- но никогда ни за что не откажусь от пиитики. Вот они, вот плоды светлых вдохновений, сильных ощущений, тайных упоений, бледных привидений, адских треволнений, диких приключений, тягостных мучений, сладостных кучений, бед и огорчений...

-- Чудо, чудо! -- закричал я.-- Да вы собаку съели, Иван Иваныч!

Поэт мой ничего не слышал; торжественно схватил он с пола кипу своих тетрадей, развернул первую попавшуюся и начал:

"Федотыч", трагедия в 5 действиях, в 16 картинах, заимствованная из прозаической пиимы Василия Кирилловича Тредиаковского "Езда на Остров Любви" и написанная размером Виргилиевой "Энеиды", в стихах, с присовокуплением некоторых новооткрытых идей самого автора Ивана Ивановича Грибовникова, с принадлежащим к ней прологом и интермедиею. В числе 8783 стихов сочинил Иван Иванович Грибовников. Действие частию в деревне Прохоровне, Симбирской губернии, Самарского уезда, частию в волчьей яме и земском суде.

ДЕЙСТВИЕ I

Явление I

Театр представляет полати. Федотыч спит. Работник Кузьма подходит будить его.

Кузьма

Вставай, владыка мой Федотыч, солнце красно
Взошло и на сей мир ослабилося ясно.

Федотыч (просыпаясь)

Всю ночь мне не спалось, и некий злой шакал,
Мне мнилось, на меня хулу из уст рыгал.

Кузьма

Что зрелося во сне, на то ты не смотри,
А лучше лик себе платенцем сим утри!
(Снимает с гвоздя полотенце и подает ему.)
Дремоту обуяв, взгляни на ясность неба;
Умойся, помолись -- и съешь краюшку хлеба.

Федотыч

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

Советодатель мой и мой наперсник! внемлю

Тебе и нисхожу -- с полатей я на землю.

(Федотыч встает, умывается, садится есть.)

Кузьма

Реши, владыка мой, сомнение днесь одно:

Идти ли нам косить иль выйти на гумно.

Федотыч

О юность! сколько ты неопытна, быстра!

Ведь прежде, нежель мы изыдем со двора,

Должно нам порешить с тобой, о сын мой, вкупе,

Владыке в чем идти, в чемерке иль в тулупе?

Кузьма

Едва лишь ночи мрак преторгнул свет Авроры,

На улице жара, ну так, что ломит взоры.

Федотыч

Итак, надену я армяк и стару шляпу,

Не сторгся б с небеси дождь яростный внезапу.

Кузьма

Надень подниз тулуп: здоровьем ты ведь слаб.

Федотыч (едва удерживаясь от слез)

В объятия мои, ко мне, мой верный раб!

(Заключает его в объятия, потом одеваются и уходят.)

-- Превосходно, превосходно! -- закричал я.-- Да не махайте так руками и не декламируйте так громко; разумеется, это придает много силы вашему сочинению, но знаете, если у вас немножко грудь слаба...

Он подал знак, чтоб я молчал, и хотел продолжать.

-- Отдохните немного, у вас сделаются конвульсии, у вас пламенная, благородная кровь, и потому вы очень увлекаетесь, а это...

-- Если вы не хотите слушать, то я перестану,-- воскликнул он обиженным

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru голосом, прерывая мой слова.-- Я, сударь, читал свои сочинения в торжественном собрании нашего града. Сам городничий был, смотритель училища на другой день зачем-то прислал мне лаврового листу и писал, что меня должно венчать, как какого-то Тасса, да я ответил ему, что жениться мне еще рано... Впрочем, и дочка у него скверная такая, рябая, с веснушками.

- - Не сердитесь, мой любезный Иван Иванович, я вас же любя сказал. Да притом сегодня мы всех ваших сочинений прочесть не успеем, то я просил бы вас оставить их на недельку у меня, а теперь прочесть только отрывки.-- Я взял из кипы тетрадей другую, развернул и прочел заглавие -- "Иоанн и Стефанида".---- А, это что-то духовное... новый род... должно быть, хорошо.

- - Да, это пиима сказочного содержания, так, в Овидиевом роде. Мне хотелось испытать себя во всем. Но это вы прочтете после. Знаете, как неудобно для сочинителя, когда внимание читателя двоится; лучше кончить трагедию.

- - Но вы уже дали мне понятие о стихах ее, они прекрасны; а чтение всей трагедии отнимет у нас много времени, мне некогда... вы извините меня.

- - Но дослушайте хоть сюжет; я вам говорю, я сам удивляюсь, как я написал это: о, тут будет еще не то! Я вам скажу, у меня для некоторых лиц язык даже особенный, а сюжет просто диковина... всё, всё новое... нигде еще не было напечатано. Вот, извольте видеть, они пошли теперь на работу, тут придут домой, будут есть, пить; начнется кричанье, плясанье, стучанье -- такие деянья, что даже названья им трудно прибрать... Но это еще всё ничто... Федотыч, подгулявши, это уже в третьем действии, идет, извольте видеть, в лес; вот тут штука... дело было под вечер... он не разглядел, да и бух в волчью яму, а там волк уж попался, голубчик, вот у них и начинается потеха. А! каково! Вот тут, я вам скажу, так уж пиитика! Меня самого слезы пронимают, как вспомню; как взял волк Федотыча, да как принялся ломать, так ажио самому страшно. (Становится в позицию и начинает декламировать).

Как ось несмазанна возницы Аполлона,
Вдруг кости треснули: Федотычева стона
Раздался велий глас, и гладную вельми
К нему летящу зрит орлицу он с детьми...
Кто ужас выражал на свете сем достойно?
Кому, блаженну, сил дано премного столь,
Исчерпать сей предмет, изобразить пристойно?
Где, где счастливец сей: обнять его дозволь!

Иван Иванович простер ко мне свои объятия и искал моей шеи. Я уже хотел спросить: за кого вы меня принимаете? -- но увлечение моего поэта было так сильно и естественно, что я не желал разбудить его.

Крепко, пламенно обнял меня поэт и заплакал. Долго слезы мешали ему говорить; наконец он снова начал:

- - Не ужасайтесь: вы думаете, Федотыч погиб? никак нет-с.

Подобно праотцу всех праотцев, Адаму,
Лишился он ребра, попавши в волчью яму.

Вдохновение Ивана Ивановича сообщилось отчасти и мне. Я возразил ему стихами:

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Но, видно, этот волк был очень глуп и добр,

Когда не изломал Федотычу всех ребр.

Он посмотрел на меня с приметным самодовольствием и отвечал:

Вещайте, с драмой сей возможно ль мне чрез вас

Введенну быть, с толпой подобных, на Парнас?

Я возразил с усмешкой:

Но можно ли волков вводить в литературу?

Иван Иванович торжественно посмотрел на меня и воскликнул:

Но се не волк, -- баран, одетый в волчью шкуру.

Я захохотал во всё горло. Иван Иванович, который был вправе ждать от меня одобрения, изумился.

-- Самое патетичное место в трагедии... поразительная нечаянность, неожиданный поворот во всей пьесе... сильный, гигантский шаг к заключению...-- шептал он с неудовольствием, пока я смеялся.-- Разве тут есть что-нибудь смешное, Наум Авраамович?

-- Ха-ха-ха! сам себе смеюсь, любезнейший, сам себе, извините; как это я не мог с первого раза догадаться! Да вы так хитро придумали... Чудо, чудо! уж я на этих вещах взрос, а тут, нечего сказать, ума не приложил. Да как же это, уж не обманываете ли вы, Иван Иванович?

-- Нет, поверьте. На том завязка; Федотычу со страха показалось, что это волк; а сказано это у меня вначале так, знаете, просто для интереса. Тут теперь чудеса пойдут. Прибегают поселяне на крик Федотыча. Благородные сердца их поражены состраданием и изумлением. Федотыча вытаскивают, он видит барана и в гневе бросается на сие невинное животное, ставшее, по обстоятельствам, игралищем страстей человеческих. Надобно видеть ярость Федотыча: он клянется погубить врага тлетворным ядом -- иль мечом! Всё для него равно, лишь бы достигнуть своей цели! Все средства позволительны: буря страстей завела его слишком далеко, чтоб уже благоразумно остановиться.

-- О детища мои! о верная жена! --

Федотыч в ярости взывает.--

Заутро, может быть, мне плаха суждена,

Уж смерть мне взоры ослабляет!

Из посрамленных ребр ручьем текуща кровь

В утробе сердца месть рождает.

О пусть она вовек, как репа и морковь,

Мне в душу корни запускает!

После сего Федотыч начинает разыскивать, кто посадил в яму барана в волчьей шкуре. Открывается, что один юный парень, желая подшутить над своим другом,

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru который вырыл сию яму ради взывания волков, сыграл эту шутку. Федотыч, познав сие, говорит много и сильно и наконец восклицает, почти в безумии:

Мне холодно, -- я в ад хочу!

-- И уходит в ад? -- спросил я.

-- Нет, он хватает "юного парня" и отправляется с ним в земскую полицию для принесения жалобы. Этим кончается четвертое действие. Но я должен сделать невеликое отступление. Что вы скажете насчет последнего стиха, произнесенного героем трагедии? А?! не напоминает ли он вам чего-нибудь этакое великого, колоссального? Подумайте, подумайте!

Я был в совершенном замешательстве и не знал, что отвечать; по счастью, Иван Иванович сам помог мне.

-- Что, забыли! Помните ли вы сей стих из ямбической поэмы "Разбойники":

Мне душно здесь, -- я в лес хочу!

-- Что, как он вам кажется?

-- Удивителен!

-- Повторите теперь мой: "Мне холодно, -- я в ад хочу!" Что, не та же сила, гармония, звучность, меланхолия? Это просто пандан-с.

-- Правда, правда; таланты равносильны... Но докончите скорей рассказ сюжета.

-- Вы этого требуете? -- спросил он с какою-то величественной важностью.

-- Да, я вас прошу.

-- Так нет же вам, -- сказал он решительным тоном, весело улыбаясь, -- моя трагедия вас заинтересовала, подождите же, подстрекнутое любопытство придаст ей еще более интереса.

-- Но это безбожно!

-- Ха-ха-ха! Сами писатель, а не знаете своих выгод. Помучьтесь-ка. Перейдем к другому, -- Он взял огромную тетрадь и подал мне: "Дактило-амфибрахо-хореи-ямбо-спондеические стихотворения" -- стояло в заглавии. Я посмотрел на поэта: он как-то странно переминался, лицо его блистало самодовольствием, которое он тщетно старался скрыть.

-- Вы, вероятно, поражены новостью заглавия: а это так, пришло мне в часы золотого досуга; оно, знаете, как-то... благопристойнее, -- произнес наконец он и скромно потупил глаза.

Я перевернул страницу: "Ямбические стихотворения" -- было написано сверху страницы...

-- Нужно вам сказать, что сия тетрадь заключает в себе двадцать восемь отделов, кои все носят заглавия по названию того размера, коим трактованы. Мне показалось это удобнее, -- прибавил он скромно.

-- Конечно, конечно, -- подхватил я, -- если б все наши поэты...

-- Впрочем, сие стихотворение вы можете прочесть в одной книге, см. Отдел четвертый, страница 1439, стихотворение, титулованное "Одного поля ягодам", -- сказал поэт, заметив, что я его не слушаю, а гляжу в книгу... Между тем я отыскал в ней стихи, которые с первых строк меня заинтересовали; для полноты наслаждения я просил самого поэта прочесть их.

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
-- Это так, безделушка,-- сказал он и, прокашлявшись, начал: "Величие души и ничтожность тела", стихотворение Ивана Ивановича Грибовникова, посвящается товарищам по семинарии.

Сколь вечна в нас душа, столь бренно наше тело.
Судьбы решили так: чтоб плоть в трудах потела,
А дух дерзал в Парнас, минуты не теряв,
Подобно как летал во время оно голубь,
Всему есть свой закон: зимой лишь рубят пролубь,
И летом лишь пасут на поле тучных крав!..
У вечности нельзя отжилить мига жизни,
Хоть быстро прокричи, хотя протяжно свистни,
Ее не испугать: придут, придут часы,
Прервутся жизни сей обманчивые верви,
Зияя проблеснет вдруг лезвие косы,
И, смертный! ври: тобой -- уж завтракают черви!
Невольно изречешь: о tempora, о mores! {*}
{* о времена, о нравы! (лат.).}
Когда поразглядишь, какая в жизни горесть.
До смертных сих времен от деда Авраама
Людей я наблюдал и семо и овамо,
Дикующих племен я нравы созерцал
И -- что- ж? едину лишь в них суетность встречал!
Нещадно все они фальшивят и дикуют
И божьего раба, того гляди, надуют.
То всё бы ничего: но ежели их души
Вдруг гордость обует, средь моря и средь суши,
Забудут, что они есть прах, средь жизни чар
Постигнет их твоя судьба, о Валтасар!

Он умолк. Я всё еще слушал, так я был поражен. Молча подал он мне руку, также молча я пожал ее; но мы понимали друг друга без слов, да и что нам было говорить?

Что бедный наш язык? Печальный отголосок
Торжественного грома, что в душе
Гремит каким-то мощным непрерывным звуком.
(Кукольник)

– – Вы поэт, -- сказал я, -- поэт оригинальный, самостоятельный, каких еще не являлось у нас; вы бы могли произвести переворот в литературе; но, послушайте меня... не печатайте того, что написано, не пишите больше.

– – Как! -- вскричал поэт. -- Вы признаете во мне дарование и советуете мне в самом цвете, в самой силе схоронить его в могиле?

– – Ограничьтесь тесным кругом служебной деятельности, живите для счастья своего и нескольких избранных друзей: жизнь ваша потечет тихо и спокойно; благословляя судьбу, довольные миром и людьми, вы наконец перейдете в жизнь лучшую так же безмятежно и примете достойную награду неба. Поверьте, это есть именно то, к чему мы должны стремиться. Труден и неблагоприятен жребий литератора... На каждом шагу, во всяком ничтожном деле он терпит и -- такова его участь -- должен сносить и не жаловаться. Предположим, что вы издали книгу: она хороша, прекрасна, вы сами, как самый строгий и беспристрастный судья своего таланта, первый заметили достоинства ее, так же как и недостатки. Но не так поступят с ней критики, враги рождающегося дарования: они найдут в ней небывалые недостатки, постараются унижить, затереть, совершенно уничтожить ее, если можно. Мало, -- они докопаются до вас самих; какое-нибудь гнусное, бездарное творение, ничтожнейшее возможной ничтожности, низостью души кой-чего добившееся, творение, с которым нельзя встретиться на улице, чтоб не пожалеть в нем человека, стыдно быть в одном обществе, -- посягнет на ваше доброе имя, превратит вас в нуль -- и всё это для того только, чтоб наполнить страницу ничтожной газеты. О самой книге и говорить нечего, подобные ценители закидают ее сором, втопчут в грязь и в доказательство беспристрастия своего приговора скажут только: ведь и мы можем написать так же!

– – Но есть же люди, которые достигли известности на поприще пиитов еще недавно. Ужели я столь несчастлив? К тому я драматический автор, тут судит сама публика. Я покуда ограничусь театром. К театру я чувствую в себе призвание. Я пишу во всех родах: трагедии, оперы, драмы, водевили. Да, вы еще не читали моего водевиля. Вот он, послушайте! (он взял одну из тетрадей) "Святополк Окаянный", водевиль в одном действии, с куплетами, действие на Арбате, в Москве.

– – Но Москвы тогда еще не было?

– – *Doctoribus atque poetis omnia licent*, {Ученым и поэтам всё позволено (лат.).} -- отвечал он и продолжал читать:

– – Явление первое. Театр представляет померанцевую рощу...

– – Но какие же померанцевые рощи в Москве?

– – *Doctoribus atque poetis omnia licent*, -- снова произнес он с некоторой досадой и продолжал:

– – Святополк ходит в задумчивости и напевает известную песню: "Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...", потом садится и начинает писать, потом читать: "С ног до головы целую тебя, любезная Элеонора..."

– – Погодите немного, Иван Иванович, это мы прочтем после, я теперь не расположен смеяться, -- сказал я, чувствуя особенное желание пофилософствовать, что у меня обыкновенно случалось на тощий желудок...

– – Хорошо! -- сказал он.

Я взял его за руку и продолжал:

– – Положим даже, что журналисты, по какому-либо особенному случаю, вас расхвалят; но это еще не всё. Найдутся другие неприятности. -- Вы -- мечтатель в поэзии, но положительный в жизни; разумеется, вам не захочется всегда брать сюжеты из мира фантазии; вы возьмете их из природы, живьем перенесете на бумагу типические свойства человека, подмеченные вами; вы довольны своим трудом; вдруг чрез несколько дней доходят до вас слухи, что вы поступили неблагородно, бессовестно, низко... "Как? Что?" -- воскликнете вы. "Еще запираешься, -- говорит ваш приятель, -- поздно, брат, мы узнали... Стыдно, стыдно: а еще человек с

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru талантом, -- списывать портреты с известных людей и разглашать печатно их семейные тайны; да и что он тебе сделал, за что ты его так выставил? он человек прекрасный!" Вы в недоумении, сердитесь, не знаете: что подумать. Приятель ваш подсмеивается над вами, и наконец дело кончается так: вы узнаете, что в вашем последнем сочинении выведены известные лица, которых сходство изумительно; одним словом, вас обвиняют во всем том, что мы разумеем под словом "личности". Не виноватый в этом ни душой, ни телом и, может быть, по благородству своего характера неспособный на такой поступок даже против человека вами ненавидимого, вы становитесь подозрительным в глазах людей благомыслящих и наживаете себе тайных недоброжелателей.

- - Но, может быть, на театре...

- - Еще хуже, одно случайное сходство фамилий, и вы неправы.

- - Уж четвертый час, сударь; не прикажете ли сварить кофею? -- послышался в дверях голос милостивого государя.

Я изумился, желудок мой обрадовался... "Но откуда взялся этот кофе?" -- подумал я и повернул голову к Ивану. Только я увидел его, надежды моего бедного желудка вмиг разрушились: я сейчас догадался, что Иван приводил в исполнение то, что, по его словарю, называлось "задавать тону".

- - Болван! -- сказал я с притворным гневом.-- Ты прежде этого мне не напомнил, а теперь уже время обедать.

Иван был очень доволен моим ответом и с самодовольствием возвратился за ширмы.

- - Ну, любезный Иван Иванович, на что вы решаетесь?

- - Но призвание, я вам скажу, оно-то меня волнует.

- - Вы можете писать и не печатать.

- - Но, вселюбезнейший Наум Авраамович, неужели слава, выгоды, которые представляет звание сочинителя, не выкупают с лихвою неудобств, вами представляемых?

- - Ах нет! Иван Иванович! тот ошибается, жестоко ошибается, кто так думает. Слава? Но знаете ли, что только тысячный из среды этих жалких сочинительствующих тружеников достигает ее. Деньги! о, это еще труднее! Славу можно прикормить, припоить, купить. Но деньги! деньги, -- повторил я со вздохом, -- нет, о деньгах лучше не говорить; извините, я -- не люблю денег! -- произнес я в свою очередь трагически.

- - Но ради чего вам кажется, что их приобретать трудно? Издал сочинение, роздал по лавкам -- пошло, ходи только да обирай денежки по субботам.

- - Ха-ха-ха! И вы так думаете, -- закричал я почти неистово, -- j по субботам! Ха-ха-ха! Нет, я думаю, полы перетрешь у книгопродавцев в лавках, ходя за получкой; знаю я эту получку, она мне вот где сидит! -- вскричал я, указывая на сердце.

- - Как! и вы еще жалуетесь, Наум Авраамович! Слава богу, известно, что вы и тысячками ворочаете; откуда же они у вас?

- - Вы ошибаетесь, друг мой, -- сказал я с жаром. Воспоминание о получках по субботам затронуло чувствительную струну моего сердца; положение мое живо представилось моему воображению; мне стало стыдно, что я морочу этого бедного ребенка из пустого каприза казаться не тем, что я в самом деле. Я решился во что бы то ни стало снять повязку с глаз Ивана Ивановича и отвратить его всеми возможными средствами от поприща, на котором он легко может испытать участь, подобную моей.

- - Откажитесь, -- вскричал я, -- ради бога, откажитесь от своего намерения. Да или нет?

- - Нет! -- произнес Иван Иванович решительно.-- Призвание...

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

– – Вам мало убеждений, которые я привел; так знайте же, я вам скажу последнее: вы можете умереть с голоду, если не откажетесь!

– – Помилуйте!

– – Я вам скажу примеры: Артур В., Мальфиатре во Франции; Генрих Виц в Германии; Камознс в Португалии; Ричард Саваж в Англии... Я сам -- в России!..-- вскричал я в исступлении.

– – Помилуйте, вы, кажись, живехоньки.

– – Жив! Но знаете ли, что чрез несколько часов меня не станет?

– – Но вы, кажется, здоровы?

– – Я умру, умру с голоду! -- с усилием произнес я и упал на свой ковер от изнеможения.

– – Но ваше состояние?

– – Состояние! У меня нет его. Я бедняк, о, я ужасный бедняк! Я во сто раз беднее этих жалких существ, которые выпрашивают милостыню с простертой рукой там, на Невском проспекте, у Аничкина моста. О, зачем вы заставили меня вспомнить мое положение...

– – Верите ли вы мне? -- спросил я, несколько успокоившись, смущенного поэта.-- Видите ли теперь, как выгодно писать из денег! Оставьте ли свое намерение?

– – Призвание, призвание! -- повторил поэт, судорожно пожимая мою руку.

– – Верите ли вы моей бедности? -- спросил я и пристально взглянул ему в глаза. Он потупил их и покраснел.-- Не верите! Ха-ха-ха! Видно, вас крепко уверили в моем богатстве. Смотрите! -- сказал я и раскрыл мой маленький чемодан, в котором лежал мой фрак и несколько худого белья.-- Вот всё мое богатство! Любуйтесь, любуйтесь! Это я приобрел от литературы в продолжение пяти лет; неусыпным рвением, трудами, благородным желанием принести пользу. Оставьте ли теперь свое намерение?

Поэт молчал, но меня уже и то радовало, что он забыл о призвании.

– – Мало этого,-- сказал я,-- вот вам письмо, надеюсь, что оно убедит вас.

– – Пошла вон, пошла! У барина гости, как ты смеешь лезть к нему! -- послышался из-за ширмы голос моего Ивана.

– – Не пойду, не пойду, не пойду! -- отвечал резкий старушечий голос.-- Что я, крепостная какая, что ли, вам досталась, помыкать мной; мыла, мыла белье -- да мало того, что не платят, еще и не войди!

– – Замолчишь ли ты, яга!

– – Не замолчу, не замолчу, не замолчу! Отдайте деньги за мытье; что вы с вашим барином--то вздумали озорничать -- видно, и он гол-соколик.

– – А чтоб тебе, старая чертовка, ежа против шерсти родить! Типун бы тебе на язык. Еще смеет барина порочить. Пошла вон! -- закричал Иван и силой протолкал старуху.

Это меня развеселило. Я имею чрезвычайно счастливый характер. В каких бы обстоятельствах я ни находился, я только свистну, пройду по комнате, закурю трубку, буде таковая есть, а не то просто плюну -- и всё как рукой снимет. Так случилось и нынче; несмотря на мой тощий желудок, мне вдруг сделалось чрезвычайно весело.

– – Милостивый государь! -- закричал я.-- Что там за шум происходит?

– – Да вот, сударь, прачка пристала: подай да подай долгу, а и следует только

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru два двугривенных; стану я из-за этакой мелочи беспокоить барина, да еще при чужих людях, оборони меня бог! -- Последние две фразы прибавил

Иван затем, что мой гость вслушивался в его слова.

– – Ну что, Иван Иванович, убедились теперь, что я говорю правду? Прочли письмо?

– – Но, может, сие было писано на случай смерти от других обстоятельств.

– – Что вы? Прочтите хорошенько; там просто сказано: на днях я должен умереть с голоду; когда меня не станет, завещаю тому, кто примет труд меня погребсти, надписать на моей могиле...

– – Точно, точно; сказано.

– – Что ж вы?

Иван Иванович молчал. Двукратное противоречие Ивана собственным моим уверениям подействовало на ум поэта сильнее письма. С грустию в сердце увидел я почти разрушившуюся надежду свою спасти хоть одну жертву от хищных когтей чудовища, именуемого литературою; вдруг, в то самое время как поэт, снова увлеченный своим вдохновением, декламировал мне послание свое "К жестоко-душной", которое начиналось так:

В сфере высших проявлений

Проявляется она:

То как будто чудный гений,

То как будто сатана...--

дверь с шумом отворилась и грубый, решительный голос спросил: здесь ли живет господин П.?

– – Здесь, здесь, батюшка, я уж знаю; я походил довольно за долгом к их милости,-- подхватил другой голос.

– – Да и я сейчас была, прогнали, просто прогнали! По миру пустить хотят, защитите, батюшка,-- послышался визгливый голос женщины, недавно прогнанной Иваном.

Между тем человек в темно-зеленом вицмундире с красным воротником вошел в мою комнату и с величественною важностью начал обозревать ее.

– – Что вам угодно, милостивый государь? -- спросил я.

– – На вас есть просьбица, дельце казусное. Вы то есть не платите крестьянину Григорию Герасимову, содержателю здешней мелочной лавочки, денег за продукты, у него забранные.

– – Но могу ли я заплатить, когда сам их не имею?

– – Нам невозможно входить в разбирательство таких мелочей. Довольно, что жалоба имеет законное основание, в потому я бы попросил вас выплатить без отлагательства.

– – Но этот бездельник слишком важничает, вишь, велика персона: пятидесяти рублей подождать не может.

– – Ждал, необлыжно говорю: ждал долго! -- вскричал оскорбленный лавочник, высунувшись из-за ширмы.-- Да еще ругается! А сам прежде писал: вот, посмотрите, ваше благородие! -- И он подал ему какие-то записки.

Чиновник прочел: "Милостивый государь, любезнейший друг и земляк! Вы своим великодушием и покровительством, какое оказываете всем в одном месте родимся с

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru вами, заставляете меня надеяться, что и ныне не откажете снабдить меня двумя золотниками чаю и таковою же пропорцією березинского табака, за что деньги получите на днях. Примите уверение в искренности чувств и пр.". В заключение чиновник прочел мое имя и фамилию.

Я взглянул на моего поэта, всё лицо его было слух и удивление.

— — Что, верите ли теперь?

— — Но ваши ломбардные билеты?

Не успел я ничего отвечать, как дверь снова растворилась и в комнату вошел хозяин. Как я ни был бесстрашен, но это поколебало мое хладнокровие... Хозяин!.. Знаете ли, что предвещает приход хозяина тому, кто не платит за квартиру?

— — А! здравствуйте, Семен Семенович! Вы здесь; вот кстати как нельзя больше, -- сказал хозяин и подал руку чиновнику.

— — Батюшка, уж и обо мне-то замолвите, -- сказала прачка, кланяясь квартальному...

Хозяин мой отвел его в сторону и пошептал ему что-то на ухо.

— — Еще на вас, м<илостивый> г<осударь>, жалоба! Вы не платите за квартиру.

— — Прошу вас очистить ее сегодня же, сегодня... У меня нанимают, деньги верные, да и больше дают; где это видано, жить даром в чужом доме! -- кричал хозяин.

— — Забирать даром мелочные припасы, -- подхватил лавочник.

— — Заставлять мыть на себя белье и не платить денег. Да еще называть честную женщину -- и невесть как. Вишь, лакеишко-то спозаранку, видно, наизволил! -- прибавила прачка.

Это дивное трио продолжалось с четверть часа, разнообразясь до бесконечности... Вопрошающим взором взглянул я на поэта.

— — Но ваши ломбардные билеты? -- повторил он.

— — Они существуют только в моем воображении!

— — Если вы честно не разделаетесь, то, извините меня, я поступлю по всей строгости законов, -- сказал квартальный.

— — И хоть еще строже! Черт вас возьми всех! Убирайтесь вон! Вы мешаете мне заниматься! -- закричал я, стараясь перекричать их...

— — Вон! из моего собственного дома? Ха-ха-ха! посмотрим. Убирайтесь сами, покуда целы... Не то ведь... держал же вас в доме даром, так, видно, и покормить придется. Кормовых денег не пожалею, вы же не служите; так -- как раз!

— — Окажите милость, остановите хоть вот эту шинель да сюртук, что на них надет, может быть, хоть половину за них выручу, -- сказал лавочник квартальному, рассматривая мою шинель.

— — А мне, батюшка, хоть белье-то предоставьте, я и тем буду довольна; пускай уж мое пропадает, -- говорила прачка.

— — Убирайтесь вон! -- заревел хозяин.

Я обратился к тому месту, где стоял поэт, с вопросом: "Верите ли мне? Отказываетесь ли от своего намерения?" Никто не отвечал мне; я обвел глазами комнату, но его уже не было, Я взглянул на пол: все до одной рукописи Ивана Ивановича лежали на прежнем месте. Лицо мое просияло.

— — Стыдно, стыдно! -- кричал между тем хозяин. -- Молодой человек, где бы трудиться, наживать деньги, а он вдалься, прости господи, в какую-то ахинею, пишет и пишет, а что толку? Грех, господи прости, таким людям и добро-то делать, поблажать их порокам.

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

– – Да ведь кто ж знал, батюшка: думаешь, и честной человек, еще земляком называется.

– – Я и сама прежде думала, -- начала прачка.

– – Цыц! старая ведьма! измелю в порошок и вынюхаю! -- закричал мой Иван, который всё это время провел в немом созерцании.

– – Убирайтесь же поскорей! вам ли говорят, -- повторял хозяин.

– – Хоть бы шинель-то мне отдали, -- сказал лавочник и надел ее на себя.

– – Посмотреть, не спустил ли уж и бельишко-то, -- сказала прачка и начала шарить в моем чемодане.

– – Цыц! нишкни! старая карга! Изобью в ножевые черенья, только тронь! -- закричал Иван и оттолкнул ее от чемодана.

– – Нет, это выше сил моих! -- вскричал я, схватившись за голову.-- Мучители, кровопийцы! Чего вы от меня требуете? Вы хотите меня с ума свести, хотите вымучить из меня душу, растерзать тело, вцепиться в мою печень. О, если б вы это могли! Что говорю? Я сам это сделаю! Только позвольте мне отхлестать вас по щекам моими внутренностями, я их сам вытяну. О, я убежден, что вы не проживете после того ни минуты!

Очевидно было, что я завирался; я всегда завираюсь в патетические минуты жизни; да и когда ж бы завираться, не будучи в опасности показаться дураком, если не пользоваться такими минутами?

– – Вы начинаете бесчинствовать, -- сказал квартальный, -- вспомните, что я облечен властью...

– – Поступать со мной, как законы повелевают? Знаю, знаю!

– – Но вы можете всё это кончить гораздо для себя выгоднее.

– – Как это? -- спросил я.

– – Немедленно оставить квартиру, предоставив принадлежащие вам вещи в пользу кредиторов.

Я крепко задумался. Но для вас это не интересно: охота ли читать, что происходило в душе человека, когда у него в желудке пусто, в кошельке пусто и когда ему предстоит через минуту величайшее наслаждение воскликнуть:

Мне покров небесный свод --

А земля постелью!

В этом нет ничего комического!..

– – Но позвольте мне по крайней мере переменить белье и надеть мой белый галстух! -- воскликнул я, по тщательном соображении решив, что если мне суждено умереть, так уж всё лучше умереть в чистом белье и белом галстухе.

На галстух имел виды лавочник, на белье прачка: они вопрошающим взором взглянули друг на друга.

– – Извольте! -- сказал великодушный лавочник.

– – Извольте! -- нехотя повторила за ним прачка и ушла за ширмы.

Я наклонился к человеку, чтоб достать белье, и увидел лежащую подле него на полу залитую ваксой статью, начатую мной поутру. Луч надежды блеснул в моем сердце. Как утопающий, схватился я за эту последнюю надежду и с подобострастием сказал

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
хозяину:

– – Еще до вас просьба. Позвольте мне остаться на несколько часов в вашем доме, чтоб дописать вот эту статью, я надеюсь получить наличными.

– – Ни за что! -- сказал хозяин решительно.-- вспомните, сударь, что вы давеча говорили: вы оскорбили мою личность.

– – Личность! -- сказал я в испуге и бросился к дверям... Это слово всегда имело на меня такое действие...

– – Иван! -- закричал я из дверей.-- Забери все бумаги и иди за мной, всё прочее я оставляю моим кредиторам. Иван пошел исполнять приказание, я растворил дверь с твердой решимостью оставить дом коварства и крамолы, но вдруг всё изменилось.

– -- Друг мой! ты ли это? -- закричал человек, всходявший на лестницу в то самое время, как я с нее спускался.

– – Дядюшка! Мелентий Мелентьевич! -- воскликнул я, и мы бросились друг другу в объятия. Славный человек Мелентий Мелентьевич: он заплатил мои долги, накормил меня, нанял мне квартиру... Но я оставляю до другого времени познакомиться с ним читателя, а теперь обращаюсь к моему герою, которого совершенно забыл, заболтавшись о себе.

Но что я скажу о нем?

Все мои поиски отыскать Ивана Ивановича Грибовникова были тщетны: я справлялся во всех кварталах о его квартире, писал в Чебахсары к его родным, ничто не помогло: Иван Иванович пропал. В продолжение нескольких лет я не пропускал ни одной новой книжки, ни одного номера журнала, чтоб не посмотреть, не явилось ли что-нибудь под его именем или хоть написанное в его роде, совершенно новым, который обещал в нем со временем литератора самобытного и замечательного. Несколько раз проклинал я свою настойчивость в первое наше свидание, думая, что поэт стал жертвою предубеждения, посеянного мною в юной душе Ивана Ивановича. С ужасом видел я, что мой коварный умысел, внушенный мне самим адом, похитить у литературы деятеля, у славы чело, достойное быть ею увенчанным, удался как нельзя лучше. Желая заглазить свою ошибку, я всеми мерами решился отыскать Ивана Ивановича, благословить его на литературное поприще, и вот уже четырнадцать лет не проходит дня, в который бы я не искал его, не вспоминал о нем и не укорял себя за необдуманный поступок. Мысль, что я, может быть, погубил в самом цвете, в самой силе его дарование, тяготит меня. В эти ужасные минуты мне остается одно только утешение: я переношусь в прошедшее, вижу перед собой пылкого, благородного юношу Ивана Ивановича, слушаю его стихи, наблюдаю течение его мыслей. Таким образом я начинаю припоминать его слова, вспоминаю, с каким жаром говорил он о призвании. Но отчего же он изменил ему? -- рождается при этом вопрос в голове моей. У я? не потому ли, что он увидел, как оно мало приносит? Точно, точно, ведь он убежал от меня в ту минуту, как увидел крайнюю степень моей бедности, да и говорил-то о призвании только сначала. Но в таком случае он не мог чувствовать призвания? Впрочем, читатель сам может решить, был ли талант у Ивана Ивановича, или он просто был обыкновенный смертный... Если отрывки, приведенные здесь из различных сочинений Ивана Ивановича, будут признаны не лишенными достоинства, то я за долг поставлю себе короче познакомиться публику с талантом Ивана Ивановича и по временам стану печатать в журналах плоды светлых вдохновений, тайных упоений, диких приключений, бед и огорчений и проч. Ивана Ивановича: их у меня достанет на девять томов!

Комментарии

Печатается по первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1840, No 9 (ценз. разр.-- 8 окт. 1840 г.), с. 66--84, с подзаголовком: "Рассказ Н. Перепельского" (в оглавлении: "Рассказ Н. А. Перепельского").

В собрание сочинений впервые включено: Собр. соч. 1930, т. III.

Автограф не найден.

Датируется по первой публикации.

Сотрудник Некрасова по "Пантеону" В. П. Горленко, рассказывая (со слов Ф. А. Кони) о роли редактора журнала в становлении Некрасова-прозаика, пишет: "Первый опыт {Речь идет о повести "Макар Осипович Случайный" (см. выше, с. 535).} был сделан и сошел благополучно. О чем писать теперь? "Опишите себя, свое недавнее положение", -- советует тот же издатель, и Некрасов пишет рассказ "Без вести пропавший пиита", имеющий, по словам Кони, несомненное автобиографическое значение <...> Заметим, что здесь, когда молодому автору приходится описывать лично пережитые и выстраданные невзгоды, у негр является и живость и меткость и что вообще этот и еще другой позднейший рассказ в том же роде значительно выделяется в этом отношении из массы других "сочиненных" повестей Некрасова той поры".

"Рассказ этот, -- продолжает тот же мемуарист, -- сопровождавшийся лестным для Перепельского примечанием редакции, прошел еще успешнее. В самом деле, он написан довольно живо. Неудачен в нем только "человек" рассказчика и язык театральных лакеев-философов, которым он говорит, язык, благополучно процветающий и донныне на наших сценических подмостках, да еще фигура пииты, сделанная карикатурно, во вкусе того времени, т. о. все, что составляет собственно вымысел в рассказе" (Горленко, с. 151, 153-154).

В основу рассказа, действительно, легли "петербургские мытарства" молодого Некрасова. Это подтверждается рядом высказываний автора, зафиксированных в автобиографической прозе (см., например, "Жизнь и похождения Тихона Тростникова"), его биографических заметках и воспоминаниях современников писателя. Особенно близок к содержанию "Без вести пропавшего пииты", как в деталях, так и в передаче атмосферы быта молодого нищенствующего литератора, позднейший рассказ Некрасова, известный в передаче Н. В. Успенского: "Нанимал я квартиру на Васильевском острову, в нижнем этаже. Пошел я в мелочную лавочку попросить в долг чайку, купец оказался моим земляком-ярославцем и большим любителем чтения газет <...> Я <...> так ему понравился, что он с удовольствием отпустил мне чаю и сахару. Но положение мое, однако, нисколько не улучшилось: лежа на полу, на своей шинели, я сделался предметом праздного любопытства уличных зевак, которые с утра до ночи толпились у моих окон. Хозяину дома это пришлось не по праву, и он приказал закрыть окна ставнями. При свете сального огарка я решился описать одного помещика с женою, у которых я был учителем. Так как хозяин отказал мне в чернилах, я соскоблил с своих сапогов ваксу, написал очерк и отнес его в ближайшую редакцию. Это спасло меня от голодной смерти..." (Успенский Н. В. Из прошлого. Воспоминания. М., 1889, с. 4--5; см. также: Панаева, с. 197).

Перечень автобиографических деталей рассказа не исчерпывается отдельными бытовыми подробностями (сапоги, используемые для добывания чернил, ковер на полу вместо постели, где герой лежит, завернувшись в шинель, вещи взамен платы за квартиру (ср. также "Повесть о бедном климе") и т. д.). В рассказе нашли отражение переживания поэта в связи с неудачей, постигшей его при издании первого поэтического сборника "Мечты и звуки". Так, повествуя об обругавшем печатая Наума Авраамовича "ничтожнейшем" критике, с которым "стыдно быть в одном обществе", Некрасов имеет в виду В. С. Межевича, выступившего против автора сборника "Мечты и звуки" с рядом оскорбительных выпадов личного характера (см. ниже, с. 546). Это отчасти подтверждается позднейшим признанием Некрасова (1877 г.): "Меня обругали в какой-то газете, я написал ответ, это был единственный случай в моей жизни, что я заступился за себя и свое произведение. Ответ, разумеется, был глупый, глупее самой книги" (ПСС, т. XII, с. 22; ср. также: наст. изд., т. I, с. 644).

В последнее время высказано убедительное предположение о наличии скрытой полемики автора рассказа с В. Г. Белинским -- рецензентом сборника "Мечты и звуки", который, в частности, писал: "Если стихи пишет человек, лишенный от природы всякого чувства, чуждый всякой мысли, не умеющий владеть стихом и рифмою, он под веселый час еще может позабавить читателя своею бездарностью и ограниченностью: всякая крайность имеет свою цену, и потому Василий Кириллович Третьяковский, "профессор элоквенции, а паче хитростей пиитических", есть бессмертный поэт, но прочтешь целую книгу стихов, встречать в них все знакомые и истерые чувствованья, общие места, гладкие стишки <...> это <...> работа для

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru рецензентов, а не для публики" (Белинский, т. IV, с. 118-119).

Сопоставив заголовок "трагедии" пииты Грибовникова с приведенным высказыванием Белинского, В. А. Егоров указывает: "...нельзя не увидеть своеобразной автоиронии оскорбленного критиком автора, а может быть, и некоторой полемики против мнения Белинского, поставившего "Мечты и звуки" ниже творений Тредиаковского" (Егоров В. А. Рассказ Некрасова "Без вести пропавший пиита" в литературной полемике начала 1840-х годов.-- Некр. и его вр., вып. IV, с. 135). Пародирование классицистичности трагедии, в частности произведений Тредиаковского, не имевшее в 1840-х гг., как считает Б. Я. Бухштаб, "никакой литературной актуальности" (Бухштаб В. Я. Начальный период сатирической поэзии Некрасова. 1840--1845.-- Некр. сб., II, с. 104; см. также: Прозоров Ю. М. Н. А. Некрасов после книги "Мечты и звуки".-- В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX -- начала XX века. Ярославль, 1980, с. 14 (Учен. зап. Ярославского гос. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского, вып. 57)), было на самом деле весьма злободневным в борьбе с литературным эпигономством. "Грибовников,-- пишет исследователь,-- образ бездарного писателя, не ориентирующегося в современном ему литературном процессе, Тредиаковского нового времени" (см.: Егоров В. А. Рассказ Некрасова "Без вести пропавший пиита" в литературной полемике начала 1840-х годов, с. 136). Стихотворение же Грибовникова "Величие души и ничтожность тела" в некрасовском рассказе следует, по-видимому, рассматривать отчасти как автопародию на "Разговор" из сборника "Мечты и звуки". Кроме того, Некрасов пародирует здесь наиболее известных эпигонов романтизма, в частности Н. В. Кукольника, поэзия которого еще недавно служила ему образцом для подражания ("Встреча душ"). Объективно Некрасов, высмеивающий в образе пииты Грибовникова эпигонов классицизма и романтизма и вообще литературу, оторванную от действительности, солидаризируется с позицией Белинского. Одновременно с Белинским, восстававшим против засилья лубочной "серобумажной" литературы на книжном рынке, Некрасов средствами пародии и гротеска борется с потоком бессодержательных и безнадежно архаичных по форме произведений (подробнее см.: Крошкин, с. 38--39).

Не исключено также, что отрывки из трагедии "Федотыч" и стихотворения "Величие души и ничтожность тела" и "Жестокодушной" являются переработанными в пародийном ключе юношескими произведениями, которыми Некрасов "грешил" еще в гимназические годы (см. об этом: Евгеньев-Максимов, т. I, с. 264; Бухштаб Б. Я. Указ. соч., с. 104). Таким образом, рассказ Некрасова, приехавшего в 1838 г. в Петербург с далекими от действительности представлениями о жизни и потерпевшего неудачу с первым поэтическим сборником, является своеобразным прощанием писателя с "романтическим" прошлым.

Подчеркивая пустое фразерство Грибовникова, Некрасов противопоставляет его творениям классическую простоту и одухотворенность пушкинской поэзии. Первое обращение Некрасова к жанру поэтической пародии в рассказе "Без вести пропавший пиита" свидетельствует о незаурядном мастерстве молодого сатирика.

Содержание рассказа позволяет говорить об активной гражданской позиции раннего Некрасова, которая впервые в его литературной практике проявляется столь определенно (мысли о благородной роли литературы в обществе; сарказмы о литераторах, использующих свой талант для личного обогащения).

Важной особенностью комментируемого рассказа Некрасова является "отпечаток демократических и народолюбивых тенденций" (Евгеньев-Максимов, т. I, с. 265), проявившихся прежде всего в создании первого в творчестве писателя образа крепостного человека. Однако попытка Некрасова придать этому своему рассказу социальное звучание осталась не до конца реализованной. Объясняется это как недостаточной зрелостью писателя, так и установкой редактора "Пантеона" на чисто юмористический характер издания.

В рассказе ощутимо влияние гоголевской сатиры. Так, диалог между Наумом Авраамовичем и "милостивым государем" очень напоминает соответствующее место из "Ревизора". Некрасов использует также и гоголевский способ выписывания сатирического портрета, насыщенного комически гиперболизированными деталями (бородавки на руках Грибовникова, "расположенные почти в том же порядке, как горы на земной поверхности").

Автор остался недоволен произведением. В автобиографическом романе "Жизнь и похождения Тихона Тростникова" он писал: "Я начал было драму, а кончил водевилем

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru <...> глупым дядей, нелепостью." (ПСС, т. VI, с. 202; имеется в виду спасительное появление в критический момент рассказа богатого дядюшки героя). Примечательно также, что в "Тихоне Тростникове" о стихах героя говорится примерно в том же тоне, что и о стихах Грибовникова в "Без вести пропавшем пиите". Образ напоминающего "пииту" бездарного рифмоплета Тяпушкина (восходит к поэту-самоучке Ф. Н. Слепушкину (1783--1848), творчество которого оценивалось Белинским как псевдонародное) встречается в "Современниках" Некрасова (часть 1, зала 11).

Тип эпигона и графомана Грибовникова не прошел незамеченным читателями и критикой. Рецензируя "Книгу первую Овидиевых "Превращений". Вольный перевод в стихах С. Дымцова. М., 1841", П. Н. Кудрявцев писал, в частности: "И сколько у нас таких усердных стихокропателей! Уверяем вас, мы знаем одного, пииту из школы Хераскова и Сумарокова, который не задумался перевести стихами а 1а Тредиаковский целую "Энеиду" и потом написал свою собственную подражательную поэму, истратив на это примерно около пяти лет..." (ОЗ, 1841, т. XIV, отд. VI, с. 39). Кудрявцев имеет, очевидно, в виду сочинения Грибовникова -- трагедию "Федотыч", написанную размером "Энеиды", и поэму "Иоанн и Стефанида", сочиненную в "Овидиевом роде". Некоторым влиянием некрасовского рассказа отмечена повесть Е. П. Гребенки "Пиита" (1846). Заслуживает внимания предположение С. А. Рейсера о том, что Н. А. Добролюбов читал "Без вести пропавшего пииту" во время своего пребывания в Нижегородской духовной семинарии. В июле--октябре 1849 г. Добролюбов вел тетрадь, имевшую название: "Стихотворения, стихоплетения, рифмоплетения, пиитические вдохновения, стишищи, стихи, стишки, стишочки, стишонки и стишоночки Николая Добролюбова. Тетрадь 1-ая. NB. В сей {Т. е. в оной, т. е. в таковой, т. е. в сей, т. е. в этой. (Примечание Добролюбова.)} тетради заключаются первые опыты, изложенные в стихах ямбо-хорее-дактило-хорее-апапесто-ямбо-ямбо-анапесто-дактило-хорее-ямбо-хорее-ямбо-хорееческих. Прим. сочинителя". С. А. Рейсер так комментирует это заглавие: "Возможно, что заглавие -- подражание "дактило-амфибрахио-хорее-ямбо-спондеическим" стихотворениям поэта И. И. Грибовникова в рассказе Некрасова "Без вести пропавший пиита", который Добролюбов прочитал в "Пантеоне русского и всех европейских театров" (1840, No 9) в 1849 г." (Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. Сост. С. А. Рейсер. М., 1953, с. 27). Еще один литературный образ "пииты-графомана" (Василий Петрович Петров), витийствующего по любому поводу исключительно ради "чистого искусства", встречается в "Двух отрывках из драмы "Петров"" (ОЗ, 1843, No 4, "Смесь", с. 122--129), вошедших в "Собрание стихотворений Нового поэта" (СПб., 1855, с. 93--112). Авторами указанного сборника были И. И. Панаев и Некрасов. Образ Грибовникова и его "поэзия" соотносимы также с образом и творчеством Козьмы Прутова.

С. 52. "Fiunt oratores, nascuntur poetae", -- изрек Гораций...-- Афоризм из речи Цицерона, произнесенной в 61 г. до н. э. в защиту греческого поэта Архия.

С. 53. ...из прозаической пиимы Василия Кирилловича Тредиаковского "Езда на Остров Любви"...-- "Езда в Остров Любви" -- роман французского писателя П. Тальмана в стихах и прозе, переведенный В. К. Тредиаковским в 1730 г. Трагедия "Федотыч" пародирует не именно этот перевод, но высокий, "витийственный", насыщенный церковно-славянскими стилями вообще. Однако имя Тредиаковского здесь названо не случайно, ибо оно и в 1840-е гг. нередко служило объектом насмешек (см. выше, с. 543). Ср. также использование этого имени как синонима бездарности в стихотворении Некрасова "Он у нас осьмое чудо" и приписываемых ему одах-"подражаниях" Тредиаковскому -- "Сон" и "Чай" (наст. изд., т. I, с. 33, 437, 445).

С. 53. ...Симбирской губернии, Самарского уезда...-- Самара в то время была уездным городом Симбирской губернии.

С. 54. Владыке в чем идти, в чемерке иль в тулупе? -- Чемерка (чемарка, чемара) -- старинная одежда типа сюртука или казакина (у западных славян, на Украине и в некоторых областях России).

С. 54. Я, сударь, читал свои сочинения ~ как какого-то Тасса...-- Здесь пародируется широко известная, идеологически значимая в русской романтической поэзии тема Торквато Тассо (1544-- 1595), итальянского поэта, гонимого при жизни властями и церковью и увенчанного лаврами после смерти. Легендарный образ Тассо, художника-гения, воплощающего "идею поэта великого и несчастного" (выражение Н.

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru А. Полевого; см.: Моск. телеграф, 1834, ч. 55, No 3, с. 454), привлекал не только многих поэтов и драматургов (К. Н. Батюшков, Н. В. Кукольник, В. Г. Венедиктов и др.), но и, как свидетельствует комментируемый текст, давно уже переместился в массовое сознание. Подробнее см.: Горохова Р. М. Образ Тассо в русской романтической литературе, -- В кн.: От романтизма к реализму. Л., 1978, с. 117--188.

С. 57. О детища мои! о верная жена! ~ корни запускает! -- Пародия на романтическую поэзию "ужасов". Ближайший объект этой пародии -- стихотворение В. А. Жуковского "Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне и кто сидел впереди" (1814). Некрасов использовал метрический рисунок и синтаксическую структуру этой баллады.

С. 57. ...стих из ямбической поэмы "Разбойники": "Мне душно здесь, -- я в лес хочу!", -- т. е. из поэмы Пушкина "Братья разбойники".

С. 57. Это просто пандан-с. -- Пандан (франц. pendant) -- то, что соответствует, подходит, т. е. подстать.

С. 58. Парнас -- в древнегреческой мифологии -- обиталище Аполлона (покровителя искусств) и муз.

С. 59. Авраам -- библейский патриарх.

С. 59. ...и семо и овамо...-- здесь и там (церковно-слав.).

С. 59. Валтасар -- согласно библейской легенде, последний вавилонский царь, убитый во время пира, когда на Вавилон напали персы.

С. 59. Что бедный наш язык? ~ непрерывным звуком. -- Некрасов неточно цитирует трагедию Н. В. Кукольника "Торквато Тассо" (1835; акт I, явл. 1). Ср. также: наст. изд., т. I, с. 650--651.

С. 59--60. Предположим, что вы издали книгу ~ и мы можем написать так эхе! -- В этом эпизоде имеется в виду выступление в "Литературной газете" В. С. Межевича, который, пародируя некоторые стихотворения Некрасова из сборника "Мечты и звуки", в частности, говорил: "...подобные стихи мы беремся писать когда угодно, и не только за бокалом шампанского, а именно в то время, когда нет расположения к какому бы то ни было серьезному занятию" (ЛГ, 1840, 24 февр., No 16).

С. 60. ...напевает известную песню "Не шей ты мне, матушка, красный сарафан..."-- Романс А. Е. Варламова на слова Н. Г. Цыганова.

С. 62. Артур В., Мальфиатре во Франции; Генрих Виц в Германии; Камознс в Португалии; Ричард Саваж в Англии...-- Французский поэт Ж.-Ш.-Л. Мальфиатр (1732--1767), португальский поэт Луис Камознс (1524--1580), английский поэт Ричард Савадж (1697--1743) жили в крайней нужде. Артур В. и Генрих Виц -- лица неустановленные.

С. 66. Кормовых денег не пожалею...-- В случаях, когда у заключенного в долговую тюрьму не было средств для пропитания, кредитор, возбудивший судебное дело, вносил деньги ("кормовые") на его содержание.

С. 67. Мне покров ~ постелью! -- Ср. "Песню цыган" из оперы А. Н. Верстовского "Пан Твардовский;" (либретто М. Н. Загоскина):

У цыганов круглый год

Праздник -- новоселье.

Им покров небесный свод,

А земля постеля.

(Цит. по: Новейший песенник, или Собрание русских песен и романсов. СПб., 1838, с. 88--89).

Без вести пропавший пиита. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

С. 69. Если отрывки, приведенные здесь из различных сочинений Ивана Ивановича, будут признаны не лишенными достоинства ~ их у меня достанет на девять томов! -- К этим словам в публикации "Пантеона" было дано примечание: "Мы благодарим автора за доставление нам этого интересного рассказа и с удовольствием и впредь поместим в "Пантеоне" опыты Ивана Ивановича, если они все будут так удачны, как этот. Ред.". В No 10 "Пантеона" 1840 г. было напечатано стихотворение Некрасова "К ней!!!!!" с подписью: "Иван Грибовников" и примечанием: "Помещаем это оригинальное стихотворение для того только, чтоб утешить друга нашего Н. А. Перепельского: Грибовников, без вести пропавший пиита, отыскался. Ред." (с. 37--38). Впоследствии о Грибовникове упоминает один из персонажей водевиля Некрасова "Утро в редакции" (1841), слушая творения стихоплета Трезвонова (см.: наст. изд., т. VI, с. 65).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovniko1ai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!